

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ОБЛИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ: ОТ САКРАЛИЗАЦИИ ДО ОТТОРЖЕНИЯ

Сфера научных интересов автора статьи непосредственно касается протеста и иных форм несогласия в общественном мнении в годы существования Советского Союза. Характер темы сложный не столько из-за ограниченного доступа к источникам, сколько из-за трудности выявления конкретных фактов протеста, имевших отношение к общественному мнению. По этой причине методология исследования и способы анализа собираемой информации связаны с политологией и социолитвистикой. В начале статьи речь идет как раз об их обоснованном использовании в истории, а затем на архивных материалах раскрываются итоги всей работы.

Сразу отметим, что персонификация – понятие не новое и достаточно известное в отечественной науке. Введением в научный оборот понятие обязано Владимиру Васильевичу Крылову. Персонификация предполагает, что благодаря рассмотрению какой-либо темы на фоне биографии людей исторические факты из конкретных, узко ограниченных рамок переходят в состояние, при котором способны осветить отдельные стороны общественной жизни.

Критерием отбора фактов для последующего использования в работе служит их предметно-вещественная характеристика. В 1993 г. в свет вышла оригинальная статья А.И. Фурсова [1], посвященная роли персонификации фактов в изучении индустриальной цивилизации. За отправную точку исследования А.И. Фурсов предлагает брать факт труда человека. Сама по себе личность, пусть даже очень одаренного исторического лица, его не волновала. Человек рассматривался двояко. Во-первых, как носитель конкретных биографических данных, которые обычно записываются в паспорт, энциклопедический словарь и пр. Во-вторых, как лицо, занятое конкретной деятельностью, которое способно повлиять на ход развития социальной и политической жизни страны. Во втором случае жизнь изучаемой персоны наполняется целым рядом второстепенных фактов. Они могут быть совершенно ничемными или, напротив, достаточно сильно гипертрофированными по отношению к общему биографическому портрету пер-

соны. В то же время только эта «трудовая повседневность» должна интересовать историка. По мнению А.И. Фурсова, человек во время выполнения конкретного профессионального занятия повторно проходит свой жизненный путь от «нуля до самого конца». Иногда в условиях экстремального характера люди отступают от своих жизненных принципов, и в результате в «цепи» биографических событий образуются некие жизненные анклавы. Историки могут наблюдать за судьбой человека и выделять те факты общественной жизни, которые коренным образом влияли на изменение образа мышления изучаемой персоны.

Гипотеза исследования. Используя теорию о непрерывности языка и сознания А.Ф. Лосева [2], на основе письменных источников мы попытались проследить, как из одного социально-исторического понятия вытекает другое, подчиняясь влиянию общественного восприятия, и в таком сочетании возвращающееся на свое прежнее место для повторного направления, но уже по иной траектории. В практическом применении это позволит априорно предопределять формирование новых тематических стереотипов еще до того, как они станут доминирующими тенденциями в общественном сознании. Математический способ доказательства гипотезы подробно раскрыт в книге Д. Хейса, посвященной патанализу в статистике. Графически гипотеза исследования представлена на рис. 1, где предопределенность общественного мнения показана траекторией текстовой петли [3].

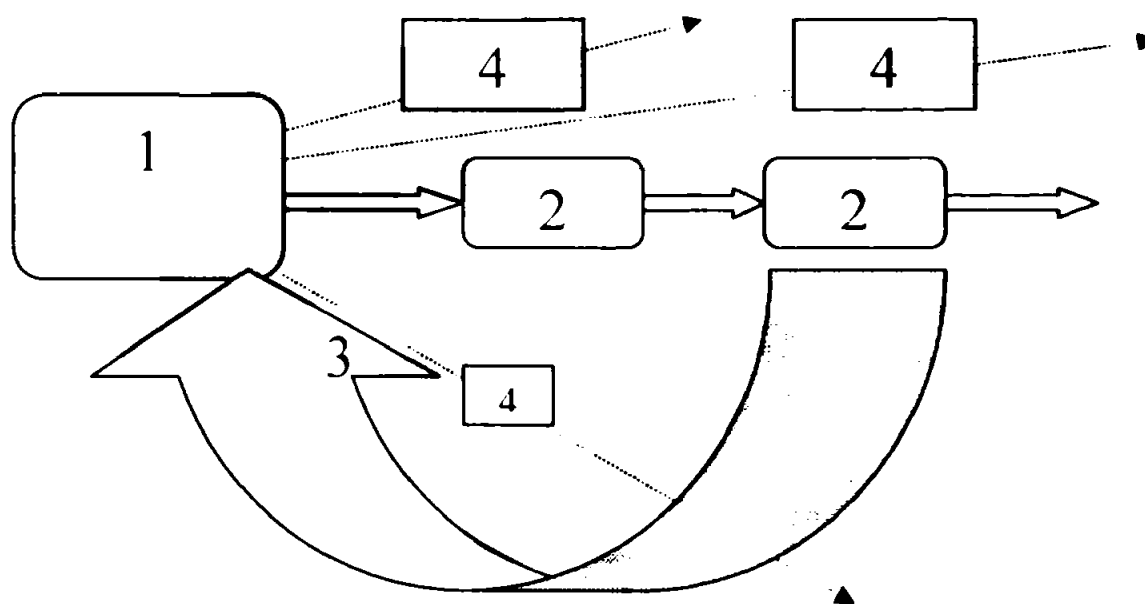

Рис. 1

Обозначенные цифрами символы следующие.

Под номером 1 подразумевается первоначальный объем публикаций в прессе слухов и сплетен на заданную тему, которые «открывают» какое-либо направление и не могут в силу своей абстрактности обладать максимальным количеством отрицательных, положительных и нейтральных категорий. Здесь еще нет четко сло-

жившейся схемы идеологической и смысловой направленности, а есть только самые общие контуры той или иной проблемы, вобравшие в себя множество несвязанных между собой понятий, закрепившихся в общественном мнении в определенное время.

Под номером 2 фигурирует небольшое число газетных публикаций или анекдотов, по какой-либо причине вызы-

вающее резонанс в общественном мнении. Временные рамки такого периода обычно зависят от конкретных политических и экономических факторов развития страны.

Стрелка номер 3 демонстрирует возврат на начальный период развития сложившихся под влиянием общественного мнения понятий и императивов. Такой возврат характеризует собой частичную регрессию «новоявленных» понятий. В Советском Союзе одной из причин возврата темы на прежнее место в общественном мнении всегда было «забалтывание» наиболее болезненных вопросов представителями партийного руководства. Получалось, что замыкающие любой политико-нравственной темы всегда ассоциировались с Генеральным секретарем и членами высшей номенклатуры КПСС. Темы, вызывавшие в обществе неподдельный интерес, заканчивались персонифицированными оценками и связывались с деятельностью либо московского, либо областного секретаря партии.

После того как обратная связь «осуществилась», старые понятия, получившие в общественном мнении персонифицированную окраску, изменили свою категориальную направленность как по качеству, так и по динамике циркулирующих слухов. Последовательно за этим приняли другой лексический оборот общие суждения, что наглядно изображено пунктирными линиями, поменявшими траекторию направления (номер 4).

В связи с этим задачи анализа решаются в следующем порядке:

а) Сбор и распределение архивного материала по содержанию и составу «заключается в составлении... лексических корпусов», позволяющих изучать «внутреннее взаимодействие» [4] между выделенными по тексту смысловыми понятиями. Решение этого пункта осуществлялось через контент-анализ всех используемых в работе документов.

б) Выделение из общего массива смысловых понятий наиболее главных, объективных направлений, характерных для определенных временных периодов. При этом использовался комплексный подход, где учитывались категориальные данные контент-анализа, данные удельного веса понятий.

В качестве смысловых понятий были выбраны темы, словосочетания и реплики, непосредственно имевшие отношение к высшей партийной номенклатуре. Сбор материала осуществлялся в фондах Российского государственного архива новейшей истории и Российского государственного архива социально-политической информации (г. Москва). На завершающей стадии материал был обобщен в три категории: облик генсека, облик «снятого» лидера и клиента. Кроме того, для точности формулировок использовался материал архивных фондов КГБ и региональных парткомов Свердловска, Новосибирска и Владивостока. Из всего вышеперечисленного читателю становится понятно, что отбор материала определялся возможностями автора статьи. Опасность быть пойманным в ловушку предвзятой выборки заставила искать контрольную теорию, способную обеспечить более четкое осмысление представлений, доминировавших в общественном мнении. Рассмотрение данного вопроса имело продолжение в контексте теории английского ученого Э.У. Джитберта. В книге «Идея романа» он предложил «сузить рамки» подобных исследований «эмоциональными характеристиками», т.е. предполагаемыми психологическими образами, получившими наибольшее распространение у современников [5] в изучаемый промежуток времени. На основе «эмоциональных характеристик» автор статьи проводил выбор материала для исследования.

Благодаря тому, что «эмоциональные характеристики» были собраны из различных источников (в основном эпистолярного жанра), удалось получить как бы «панно», представлявшее собой конкретные исторические факты, но в отражении общественных стереотипов, слухов, анекдотов, «кухонных разговоров». Все обрывки и рванные фразы, взятые из контекста, образуют парную взаимосвязь, по концам которой распределяются доминирующие смысловые нагрузки, обладающие максимальным эмоциональным весом, усиливающимся на основе противопоставлений. Вот несколько примеров, имеющих отношение к содержанию статьи (рис. 2).

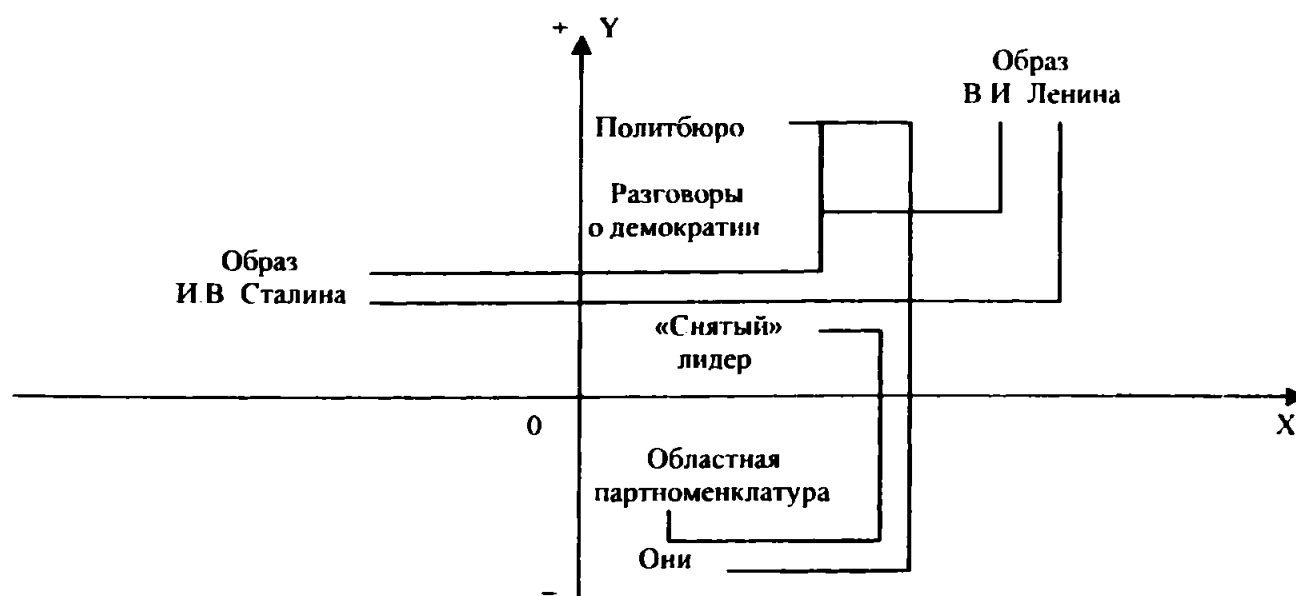

Рис. 2

В данном случае за Y взят конкретный удельный вес понятий, обчисленных при помощи контент-анализа. На линии X фиксировались хронологические рамки того или иного понятия. Для наглядности пони-

мания в координате не указаны математические и хронологические параметры. Это не столь важно. Дело в том, что речь идет об усредненных показателях за вторую половину XX в. Главное – это то, что в общест-

венном мнении произошла дифференциация понятий на положительные (со знаком плюс) и отрицательные (со знаком минус) категории.

В общественном мнении Союза совершенно по-иному, подчеркнуто резко, выделялся образ Генерального секретаря компартии И.В. Сталина. Чаще всего И.В. Сталина сравнивали по аналогии с В.И. Лениным, реже критиковали. Тем не менее характеристики никогда не были прямолинейными и однозначными. Если в примерах, раскрывавших образ генсека, и не преобладало негатива, то сдержанность в эмоциях присутствовала всегда. Это дало основание не ставить схематичный образ И.В. Сталина в один ряд с другими именами советских руководителей. Его образ находился на периферии общественного мнения, и в этой связи И.В. Сталин ассоциировался с нейтральными эмоциональными характеристиками, например Политбюро. Центральный орган власти СССР сам по себе вызывал немного реплик и толкований в обществе, поэтому те понятия, которые каким-либо образом ассоциировались с Политбюро, занимали достаточно скромное положение в перебедах.

Как ни странно, в число понятий, воспринимавшихся со знаком минус, попадали руководители краевого, областного и районного масштабов. Ещё больше нетерпения и слухов вызывали безликие фигуры, которые в общем составе представлялись широкой публике в качестве ответственных работников секретариатов, обкомов и горкомов. По нормам партийной иерархии все эти люди подпадали под общее определение номенклатуры. На языке аппарата КПСС [6] номенклатуру воспринимали в качестве «системы учёта и распределения ответственных работников и их резерва» [7. С. 20]. В неформальной обстановке на номенклатурщика смотрели и с восхищением, и с чувством легкого пренебрежения, что обычно было вызвано сплетнями о «лизоблюдстве» последних. В любом случае такой человек являлся живым феноменом одной из сторон социально-политической жизни советского общества и имел право входить в управляющий аппарат страны. Приблизительно в схожем тоне писал о номенклатуре в 1978 г. диссидент П. Абовин-Егидес [8].

Человек, входивший в круг аппаратно-избранной элиты, был вынужден подчиняться внутренним «правилам игры», что хорошо понимали все граждане Советского Союза. В этой связи номенклатура, партийно-бюрократическая прослойка, занимала в обществе как формально, так и неформально нишу не своих и не чужих [9], а просто обезличенных персон, в присутствии которых лучше всего держать язык за зубами. Это не означает, что номенклатурщиков боялись. Напротив, именно работники, входившие в систему номенклатуры, являлись распространителями особого стиля поведения, позднее получившего в народе интерпретацию в выражениях: «Будьте осторожны», «На Вашем месте я не стал бы». В своих автобиографических заметках «Крутой маршрут», написанных после XX съезда КПСС, Е.С. Гинзбург называет поведение партийной номенклатуры боязливо-властвующим среднечеством. Внешне спокойные и радушные, внимательные и деловые номенклатурщики в минуту опасности всегда готовы строить «ложные силлогизмы» и упихивать

всех к «дверям НКВД» [10. Л. 16]. Вот как Е.С. Гинзбург оценивает понятие «они», вобравшее в себя образы номенклатурщиков, региональных руководителей и тех, кто был готов подстраивать жизнь под требования боязливо-властвующих. Речь идет о репрессиях 1930-х гг.: «Все должны были делать вид, что изуверские силлогизмы отражают естественный ход всеобщих мыслей. Достаточно было кому-нибудь задать вопрос, разоблачающий безумие, как окружающие или возмущались, или снисходительно усмехались, третируя спрашивающего, как идиота» [10. Л. 24].

По мнению А.Д. Сахарова, после Второй мировой войны в СССР образ поведения, названный Е.С. Гинзбург отражением «естественного хода всеобщих мыслей», перестает быть чертой элитной партийной прослойки и нивелируется общественным мнением в общепризнанную всеми норму жизни [9]. Весьма интересно такая форма персонификации прослеживается на примере «разговоров» о И.В. Сталине.

В фонде № 560 (опись 1) РГАСПИ хранится дело № 2 под общим заглавием «Записки Богдановича И.А. – Траурные годы». Сам Иван Алексеевич Богданович в 1930-е гг. прошел через систему сталинских тюрем и лагерей. После реабилитации жил в Рубцовске, в Алтайском крае. Придерживался пацифистских взглядов на внешнюю политику СССР и Советской армии. Он не только критиковал культ личности, но и предлагал в марте 1964 г. лишить И.В. Сталина всех наград, званий и переместить его прах на общее кладбище. Вместо критики культа личности умершего Сталина он считал необходимым привлечь к ответственности тогда ещё здравствовавших В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, Н.А. Булганина за соучастие в нарушении советской законности. В своих воспоминаниях И.А. Богданович попытался дать анализ обособленного, если можно так выразиться, восприятия образа Сталина советской общественностью. Противоречивый образ Сталина в общественном мнении «народа» связан с тем, что «многим, очень многим людям было неудобно, до крайности неудобно за свое преклонение перед ним и его именем». Им ничего не оставалось, как замолчать. А те, кто не знают Траурных лет, могут олицетворять генсека с идеалом, рассуждал И.А. Богданович [11. Л. 3]. В итоге все стыдливо замолчали и превратили «изуверство» в повседневное мировоззрение.

Подобных воспоминаниям И.А. Богдановича примеров немного. Основная масса корреспондентов, писавших на имя секретарей ЦК, мыслила куда более конкретно, однако от этого образ И.В. Сталина и других членов Политбюро мало чем отличался от фактожа «Траурных лет». Писали о беспринципности и бездейности различных политических течений в партии как в 1920-х гг., так и во времена «оттепели», называя реформы «всего лишь борьбой за власть». Смещение Л.П. Берии в обществе посчитали «своеобразным дворцовым переворотом», затянувшимся до 1957 г [11. Л. 21, 22–25].

Среди таких категориальных понятий оказывались обожествленные лидеры, возведенные в ранг святого почитания события из истории КПСС. Кроме того, живой интерес вызывали конкретные номенклатурные работники, особенно «первые» лица государства.

ОБЛИК ГЕНСЕКА И ХАРАКТЕР ПОНЯТИЯ «ОНИ»

В Советском Союзе в разговорах на политические темы образ В.И. Ленина и принципы демократии считались «братьями-близнецами», не подлежащими критике и сомнениям. Первый председатель СНК был вне обсуждения. Это правило не распространялось на ближайшее окружение вождя, его соратников и приемников. Вообще Генеральный секретарь КПСС никогда не обсуждался отдельно от всех прочих советских начальников. Скорее всего, облик генсека служил лексическим фоном, на основе которого происходило сравнение стилей и методов работы отдельных руководителей.

Вслед за рассуждениями о демократичности ленинского руководства «кухонные» беседы затрагивали орган высшей политической власти в стране – Политбюро. По данным уголовных дел Свердловского КГБ, члены Политбюро практически всегда фигурировали в доверительных беседах как обезличенный инструмент советского руководства. При этом «в народе» подмечали, что первые фигуранты из членов Политбюро стремились подражать и ориентировать свой образ поведения на И.В. Сталина [12]. Получалось очень скомканно, поэтому их всегда называли не по именам, а обезличенным местоимением «они». Они не дадут ему, они съедят его и т.п.

В материалах Иркутской парторганизации зафиксирован эпизод зимы 1984/85 гг. Один из руководителей Иркутской области выступал перед рабочими и инженерами местного завода. Слушали его очень внимательно, а после выступления обсуждали. Аудитории запомнилось то, что левая рука областного руководителя не сгибалась и даже создавалось впечатление, что она ссохлась. Это придавало выступавшему, в представлениях заводчан, некоторое сходство с Лениным. Вслед за лестным сравнением особо «осведомленные» стали вспоминать, что начинал он еще при В.М. Молотове в Монголии. И этот факт, что называется, повысил деловой рейтинг руководителя. Сразу же за фразами, подчеркивавшими его способности, информатор услышал пресловутое «они» приблизительно в следующей интерпретации: он ведь уже пожилой, ему, наверное, около семидесяти, они ему всегда мешали работать, вот, значит, и состарили. Под словом «они» подразумевались все прочие «отцы области и города».

В годы перестройки редактор журнала «Огонек» В.А. Коротич следующей фразой передает смысл этого обезличенного «они»: «Старик, ну ты – гений. То, что ты написал – это с ума сойти. Но вот эти идиоты там, ты понимаешь». Далее, за словом «они» виднелись шеренги совершенно безыдейных чиновников [13].

Фразы, объяснявшие смысл этого множественного «они», как правило, заканчивались итогом бессмысленности какого-либо начинания в политике, в творчестве, в хозяйственной жизни общества. Любая деятельность противопоставлялась партийной номенклатуре, которая была способна свести на нет не только реальные дела, но и человеческую жизнь. Об этом убедительно писали с мест в ЦК партии и в главные идеологические журналы, например «Журнал ЦК КПСС», «Агитатор».

ОБЛИК «СНЯТОГО» ЛИДЕРА

Второй по значению гемой, преобладавшей в общественном мнении и связанной с персонификацией, являлись «судачества» о некогда деловом, но невинно снятом лидере партии. Примером может служить книга воспоминаний Л.М. Кагановича [14]. Обычно, когда в средствах массовой информации или на партийных собраниях объявлялось об увольнении или отставке некогда все сильного политического лидера, военного или хозяйственного руководителя, он сам и его ближайшее окружение «находились в тунике». Точно такой же тупик наступал для советского общества, в большинстве своем «не знавшего, как объяснить происходящее» [15]. Такую информацию становилось невозможно гласно толковать и открыто, без всякой опаски задавать волновавшие вопросы. В результате разговоры об опальном лидере продолжали будоражить страну, но уже в десакральной форме, связанной с пренебрежением к советской власти. Например, после событий 1953 и 1957 гг. по стране ходили частушки, где в нарочито искаженном свете представлялись достижения в космосе и возможный полет на Луну. В анекдотах все небесные светила представлялись не иначе как снятые со своих прежних постов лидеры сталинского Политбюро, находившиеся в вымысленной зоне. Роль охраны там выполняли космонавты. Так, Василий Парменович Шаловалов, старший сержант Советской армии, написал в 1957 г. по мотивам одного анекдота стихи, за что получил три года лагерей по статье УК 58 – 10 ч. Вот небольшой отрывок:

Есть у нас умы большие,
Хоть взять бы Жукова в пример,
А Маленков? Есть и другие,
Но их звезда не в СССР.
А может быть, для коммунистов
Вы там построите дворец,
Чтоб наша партия садистов
Туда взлетела наконец [16].

Насколько серьезно можно воспринимать подобные примеры, судить читателю. Безусловно, несмотря на широкую распространенность аналогичных опусов, ни В.П. Шаловалов, ни кто-либо другой, распространявший в обществе анекдоты десакрального характера, не влияли на умы советской общественности. В то же самое время подобные В.П. Шаловалову люди формировали в общественном мнении стереотип «судачества», когда в принципе за безобидными матерными частушками скрывалась важнейшая проблема СССР – отсутствие гласности. Ядреный язык постепенно превращался в инструмент помощи негласного политического общения, что давало властям лишний повод прятать судебные дела о гласности под Уголовный кодекс.

Страх быть неправильно понятым или, возможно, попасть в порьму за высказывания десакрального характера заставлял людей искать заступничество у «опекунов», выступавших от имени крупных советских министерств и ведомств. Например, член Политбюро Н.А. Вознесенский в 1948 г. сделал предположение, что нездоровые антисоциальные явления в общественном мнении – это лишь примеры неэффективных рычагов хозяйствования. Отсутствие благоприятных условий жизни для народа толкало отдельных личностей к распространению негативной информа-

ции о Советском государстве. Главными виновниками происходящего Н.А. Вознесенский назвал руководителей областных и районных партийных организаций, не желавших отходить от позиции административно-командного нажима в социальных вопросах [17]. Начавшийся процесс обновления комсомольских и партийных районных организаций в конце 1947 – начале 1948 г. косвенно подтверждает это предположение. Никакого крупного изменения не предполагалось вносить во всю систему государственного строительства [18]. Просто руководителей среднего звена обязывали согласовывать свои действия по социально-бытовому блоку вопросов с вышестоящими ор-

ганизациями и по возможности корректировать негласные высказывания в угоду политической конъюнктуре. М.С. Восленский называет такой феномен обликом массовой «клиентелы» [7. С. 29], т.е. общественными группами, потенциально готовыми на тесную взаимосвязь с партийной номенклатурой. Такую же мысль высказывал в годы перестройки академик М. Афанасьев, объясняя этим гибкость советского общественного мнения.

Причины, объединившие в одно целое персонификацию общественного мнения СССР и некие формы десакрализации (отторжения) политической элиты страны, лежали во вседозволенности номенклатуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крестьянство и индустриальная цивилизация*. М., 1993. С. 62.
2. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 455 с.
3. *Хейс Д.* Причинный анализ в статистических исследованиях. М., 1981. 255 с.
4. *Дюпрон А.* Язык и история // XIII Междунар. конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. М.: Наука, 1970. С. 71.
5. *Gilbert E.W.* The idea of the region // *Geography*. 1960. Vol. 14, p. 3, № 208. P. 158.
6. *Вопросы работы КПСС с кадрами на современном этапе*. М., 1976. С. 173.
7. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
8. *Абовин-Егидес П.* Сквозь ад. В поисках третьего пути. М., 1991. С. 24.
9. *Сихиров А.Д.* О стране и мире. Нью-Йорк, 1975. С. 19.
10. *РГАСПИ*. Ф. 560. Оп. 1. Д. 24.
11. *РГАСПИ*. Ф. 560. Оп. 1. Д. 2.
12. *УТААОС(У)*. Ф. Р-1. Д. 43949. Т. 3. 1963 г. Л. 11.
13. *Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы* / Авт. и исполнители проекта А.И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк. М., 2000. С. 308.
14. *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. 572 с.
15. *РГАСПИ*. Ф. 560. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 245. Речь идет о следственных материалах Свердловского КГБ.
16. *УТААОС(У)*. Ф. Р-1. Д. 44238. Т. 1. Л. 43.
17. *Вилух А.С.* Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX века). Владивосток, 1998. С. 9–11.
18. *РГАСПИ*. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 344. Л. 36, 59, Д. 407. Л. 12–14.

Статья представлена Иркутским государственным педагогическим университетом, поступила в научную редакцию «Философия» 15 апреля 2004 г.